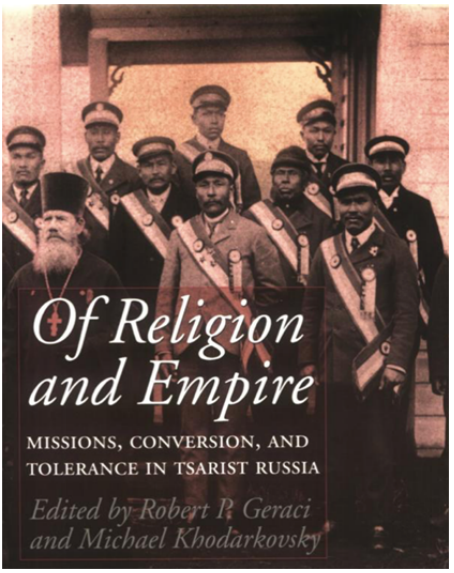
УДК 9.94
DOI: 10.17223/2312461X/22/16

«О РЕЛИГИИ И ИМПЕРИИ». МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И АНТРОПОЛОГИЕЙ

Geraci, Robert R. and Michael Khodarkovsky (eds.) *Of Religion and Empire: Missions, Conversions, and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca, Cornell University Press, 2001. 356 p.
ISBN 0-8014-3327-4 (alk. paper)
ISBN 0-8014-8703-X (pbk.: alk. paper)

Со дня выхода сборника эссе «О религии и империи» (дословный перевод основного названия книги) в 2001 г. прошло почти 18 лет. Немногим меньше прошло со времени публикации единственной на него рецензии на русском языке (Полунов 2003). Нельзя сказать, что сборник прошел совсем незамеченным в русскоязычной академии, однако его оборот в основном ограничивается новой имперской историей (см. ниже) и изредка историографическими статьями. Российским антропологическим сообществом публикация, кажется, и вовсе осталась незамеченной. Предлагаемая рецензия призвана хотя бы отчасти восполнить этот пробел. Ведь по большому счету даже на сегодняшний день книга «О религии и империи» остается единственной более или менее общей коллективной работой по православным миссиям в Российской империи.

В историографии «О религии и империи» является частью волны публикаций на английском языке, последовавшей за распадом СССР, когда прежде недоступные зарубежным исследователям архивы и «поля» стали доступными, а прежде запретные и / или подвергавшиеся цензуре темы – открытыми для исследования. Одной из таких тем, с которой спали все ограничения, стала религия, а рецензируемый сбор-

ник – первой общей работой на английском языке, в которой этот феномен исследовался в контексте истории Российской империи.

Большинство (десять из двенадцати) авторов сборника – американские исследователи, они получали образование и базировались на момент публикации сборника на исторических факультетах американских университетов, что позволяет отнести эту публикацию к результатам работы американской школы русистики (или, по крайней мере, как-то связать с ней). Также сборник является референтным для проекта «Новой имперской истории» (НИИ), ассоциированного с издаваемым в Казани журналом Ab Imperio. Более того, значительная часть авторов в то или иное время публиковалась в этом журнале, а некоторые (Пол Верт, Джон Клиер), в том числе редакторы сборника (Роберт Джераси и Майкл Ходарковский), принимали непосредственное участие в проекте НИИ.

Кроме историков в создании книги приняли участия и два антрополога – Сергей Кан и Диттмар Шорковитц. Оба исследователя известны своими работами на стыке антропологии и истории: этноистории и исторической антропологии соответственно. Примечательно, однако, что роль антропологической и шире – социальной – теории в их текстах в этой книге весьма незначительна, в то время как в анализе историков Дж. Юджина Клэя и Пола Верта им отведена ключевая роль. На этой «антропологической» составляющей сборника я еще раз остановлюсь чуть позже.

Композиционно книга состоит из 12 глав, обрамленных введением и заключением. Каждая глава является авторским эссе, представляющим из себя самостоятельное исследование. Перекрестные ссылки встречаются редко, а целостность сборника обеспечивается в основном за счет общих введения и заключения. В отличие от глав, оба этих текста анонимны, что позволяет рассматривать их в качестве коллективного высказывания. Они обобщают, проблематизируют и концептуализируют, соответственно, содержимое глав.

Во введении авторы представляют проблематику книги в виде ряда исследовательских вопросов: «Какие взгляды на человеческую идентичность преобладали в России и каковым было место религии в идеологиях социальной интеграции? Насколько успешными были попытки обратить подвластные народы в православие? Как члены различных религиозных сообществ испытывали подвластность (букв. субъектность) в империи и как отвечали на нее? Как формулировались сами категории православности и русскости, и как они влияли на религиозное разнообразие в империи?» (p. 3). При этом провозглашался ряд исследовательских установок-положений:

– при историческом исследовании религиозных сообществ необходимо исходить из того, что религиозные идентичности пересекаются и переплетаются со множеством других идентичностей (p. 3);

– возможно описать различия церкви и государства в их отношении к религиозным меньшинствам (вопреки существовавшему историографическому клише, что православная церковь в Российской империи не имела никакой автономии и инициативы, отличной от государственной) (p. 4);

– для оценки опыта религиозных меньшинств в Российской империи необходима оценка взаимоотношений между православной церковью, Российским государством и религиями меньшинств (p. 5).

Во многом эти установки суммируют определенные достижения западной русистики на начало нулевых. Свою же работу авторы позиционируют как «отправную точку для исследований религиозных идентичностей в Российской имперской истории» (p. 15) как нового для своего времени направления.

Следующие за введением главы разделены на три раздела-части по «регионально-религиозному» принципу: 1) Запад – «неправославно»-христианский и иудейский (главы 1–4); 2) (Северо-)Восток – анимистский и буддийский (главы 5–8); 3) (Юго-)Восток – мусульманский (главы 9–12). Такая группировка глав, как кажется, призванная отразить «реальное» географическое распределение исследуемых религиозных сообществ, основана в первую очередь на устоявшихся и по-своему стереотипных классификациях. Так, старообрядцы, проживавшие в самых разных регионах империи, – европейцы, а буддисты-калмыки в духе распространенных миссионерских классификаций «ламаизма» оказываются в одной группе с «язычниками»-марийцами.

Я не буду рассматривать каждую главу книги, чтобы подробнее остановиться на двух, которые советую не только тем, кто интересуется российской имперской историей и православным миссионерством, но и тем, кого волнуют вопросы соотношения истории и антропологии. Речь пойдет о второй и шестой главах, написанных уже называвшимися историками Дж. Юджином Клэйем и Полом Вертом соответственно. От большинства других эссе эти исторические главы отличаются использованием социальной теории: оба историка в ходе анализа прибегают к концепциям, разработанным культурными антропологами и даже шире – социальными теоретиками.

В эссе «Православные миссионеры и «православные еретики» в Росси. 1866–1917» (Orthodox Missionaries and “Orthodox heretics”) (p. 38–69) Дж. Ю. Клэй с помощью теории рационализации религии Роберта Хефнера показывает, как конфликт между миссионерами и сектантами связан с расхождениями между рационализованным православием первых и харизматическим вторых. Сами эти расхождения концептуализируются в терминах французского социолога Пьера Бурдьё, как восходящие к двум различным формам капитала – «культурному капиталу» в виде семинарского образования, которым обладали миссионеры, и «ре-

лигиозному» в виде аскетизма и набожности, к которому апеллировали «сектанты». Хоть сам Дж.Ю. Клэй к такому выводу не приходит, но, на мой взгляд, проведенный им анализ демонстрирует связь между процессами рационализации и дифференциации (производства различий).

Понятие «рационализация», но уже в изводе социолога-классика Макса Вебера, играет ключевую роль и в эссе П. Верта «Большие свечи и «внутреннее обращение»: марийская анимистская реформация и ее русские заимствования» (Big Candles and "Internal Conversion": The Mari Animist Reformation and Its Russian Appropriations). В нем историк обращается к концепции «внутреннего обращения» американского антрополога Клиффорда Гирца для анализа марийского движения «Кугу Сорта». Подобно тому, как Гирц, опираясь на социологию религии Вебера, показывал, почему и как происходила «рационализация балийской религии», Верт, опираясь на идеи Гирца, анализирует процесс возникновения и развития Кугу Сорта как проекта рационализации «марийского анимизма». Эту рационализацию «аборигенной религии» историк и называет вслед за антропологом «внутренним обращением». В случае марийцев оно, как доказывает автор, было обусловлено социально-экономическими изменениями в пореформенной России и русификацией, связанной в том числе с деятельностью миссионеров. Не останавливаясь на достигнутом с помощью «анализа по Гирцу», Верт обращается к идеям антрополога Талала Асада об агентности и субъектности в истории и показывает, как формировалась идентичность Кугу Сорта в практиках и взаимодействии с «русскими» контрагентами. Так, заимствование понятия «веры» позволило противопоставить «марийскую религию» христианству, но оно же поместило их глубже в рамку господствующей «русской» культуры и дискурса.

Внимательное использование социальной теории в обеих главах позволило их авторам выстроить и аргументировать объяснительные модели для исследуемых исторических процессов. На мой взгляд, Верт и Клэй наглядно продемонстрировали не только пользу социальной теории для исторических исследований, но и исторических исследований для социальной теории. Здесь же стоит отметить, что – в основном благодаря их текстам – сборник можно считать одной из немногих работ с историческим и антропологическим анализом православных миссий как таковых и связанных с ними процессов.

Общей концептуализации глав книги служит заключение. Его авторы предлагают историческую теорию (правда, оговариваясь, что не исчерпывающую) религии в Российской империи, некоторых ее функций и значений. По мысли авторов, она проницала персональную субъектность, пересекаясь со множеством других измерений идентичности: национальной, региональной, языковой, сословной, расовой, профессиональной, классовой, гендерной и политической (p. 335). Религия одно-

временно была идеологическим и административным инструментом империи и средством интерпретации подвластным населением собственного опыта и борьбы за собственный статус. Авторы используют модель-метафору концентрических зон для объяснения государственной и церковной концептуализации религиозного разнообразия в империи. Согласно ей государство и церковь оценивали религиозные практики и проводили политику в отношении религиозных сообществ, исходя из их удаленности от православного «центра». Выстраивалась следующая последовательность: (1) старообрядчество и «сектантство» – (2) иные христианские конфессии – (3) нехристианские религии.

(1) Старообрядцы и «сектанты» воспринимались как наиболее близкие православному «ядру» и потому требующие непременной реинтеграции; их преследовали как представляющих непосредственную угрозу. Также в логике «интеграции» рассматривались номинально-православные «инородцы» (например, крещеные (или потомки крещеных) татары, башкиры, чуваши).

(2) Западные христиане оценивались как не представляющие особой угрозы и категоризировались как европейцы, поэтому значительных попыток их обращения не предпринималось. Политика по отношению к ним ограничивались сдерживанием в рамках определенных этнонациональных образований (например, немцы-лютеране). В эту же категорию попадали восточные христиане – Армянская апостольская церковь.

(3) Нехристиан рассматривали в качестве объектов обращения, однако осуществлявшаяся по отношению к ним политика зависела от прагматики момента: от насильственной христианизации XVII – первой половины XVIII в. в административных и экономических интересах до «признания» и создания штатов «духовных лиц» (мулл, лам) в Екатерининскую эпоху в целях административного контроля.

Несмотря на кажущуюся общую стройность представленной авторами модели, она, как мне видится, не во всех случаях успешно работает. Во-первых, как бы вопреки упоминавшейся установке государство и церковь в ней не различаются, в то время как сами авторы в собственных эссе достаточно часто указывают на значимые расхождения в их политике. Во-вторых, не все кейсы, даже из числа тех, что были проанализированы авторами сборника, вписываются в эту модель. Так, начальники забайкальской миссии второй половины XIX в. своей основной целью видели «просвещение язычников», т.е. обращение нехристианского, в первую очередь буддистского бурятского, населения; миссионерская деятельность среди забайкальских старообрядцев при этом отходила даже не на второй и не на третий планы, уступая в приоритете обращению «шаманцев» (как бурят, так и тунгу-

соязычного населения области) и интеграции «крещеных инородцев». Одновременно с этим существовало определенное напряжение между миссией и сибирской администрацией вокруг «ламаизма»[1] в Забайкалье, а именно в связи с тем, что стремление первых ограничить влияние и распространение буддизма вторые воспринимали как провоцирование конфликта. Подобного рода различия, на мой взгляд, принципиальны и требуют артикуляции в исследовании. Тем не менее я не вижу препятствий к доработке этой модели путем прогонки ее через множество кейсов.

Предложенные в сборнике исторические теории могут быть доработаны до общих социальных. К ним есть смысл возвратиться историкам и обратиться антропологам. Многие из них получили развитие в исторических исследованиях (например, в НИИ) в рамках таких тем, как религиозное разнообразие, идентичности и конфессиональная политика и политический «ориентализм». Тем не менее проблема миссии после выхода сборника из фокальной превратилась в фоновую. Другими словами, дальнейшей концептуализации феномена миссии так и не произошло.

Проблема православных миссий – это не только (историческая) проблема прошлого, но и современности. В моей сибирской полевой практике среди коренных малочисленных народов тема «миссии» не раз всплывала в самых разных контекстах и ситуациях: от охоты до имянаречения. Более того, в некоторых случаях возможно даже проследить связь между практиками (постсоветского) настоящего и миссионерского прошлого. Так, нарратив «о чудесном обретении» бурятом резного образа св. Николая – часть дискурса как забайкальских миссионеров XIX в., так и туристических порталов XXI в. Как минимум в свете этих и других подобных кейсов есть смысл задуматься «О религии и империи» и продолжить антропологию миссии.

Примечания

[1] Вплоть до недавнего времени (т.е. еще в советской историографии) термином «ламаизм» обозначали тибетский буддизм.

Литература

Полунов А.Ю. Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia ed. by Robert P. Geraci, Michael Khodarkovsky (review) // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 454–462.

С.О. Ковальский
Московский государственный университет

Рецензия поступила в редакцию 12 ноября 2018 г.

Kovalskiy Svyatoslav O., Lomonosov Moscow State University

'OF RELIGION AND EMPIRE': BETWEEN HISTORY AND ANTHROPOLOGY

Review of Geraci, Robert R. and Michael Khodarkovsky (eds.) *Of Religion and Empire: Missions, Conversions, and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca, Cornell University Press, 2001. 356 p. ISBN 0-8014-3327-4 (alk. paper) ISBN 0-8014-8703-X (pbk.: alk. paper)

References

Polunov A.Yu. Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia ed. by Robert P. Geraci, Michael Khodarkovsky (review), *Ab Imperio*, 2003, no. 3, pp. 454–462.